
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ИНТУИЦИЯ — ЭТО НЕ СКОРОЧТЕНИЕ МЫСЛИ

Аннотация. За последние годы появилось множество публикаций, посвященных интуиции. Сложилась версия, согласно которой интуиция вовсе не является особым способом познания. Нередко её толкуют как скорочтение, то есть как быстрое, беглое «пробегание» мысли. В целом такая точка зрения не является оригинальной. До появления работа К.-Г. Юнга интуиция и рассматривалась как подспорье аналитической деятельности разума. Давно было замечено, что ученые разных профилей продвигались к своим открытиям постепенно, словно прищипывая мысль, которая никак не обретала законченности и ясности. Автор статьи не согласен с такой трактовкой интуиции. Опираясь на концепцию Юнга, он приводит дополнительные аргументы, согласно которым интуиция открывает самостоятельный путь к истине, имеет специфические особенности в теории когнитивной деятельности.

Автор использует в качестве метода современные познавательные практики и их теоретическое обоснование. Он опирается также на юнгианское учение о четырёх функциях, с помощью которых индивид приспособливается к реальности.

Новизна постановки вопроса в том, что интуиция может рассматриваться как скорочтение далеко не всегда. В своем подлинном варианте она позволяет получить знание, которое недоступно обычной мыслительной активности. Сам путь обретения знания через интуицию не имеет ничего общего с последовательным продвижением от мысли к мысли.

Ключевые слова: психология, интуиция, вдохновение, познание, творчество, гнозис, разум, рассудок, наука, мышление.

Интуицию нельзя считать скорочтением прежде всего потому, что она далеко не всегда характеризуется стремительностью, беглостью. Такое впечатление возникает потому, что интуитивное знание необычно, раскрывает себя на удивление обычной аналитической мысли. Однако интуиция чаще всего представляет собой умственное созерцание, которое, как и любое пассивное состояние, не отличается свободой и незатруднённостью.

В.С. Соловьев считал, что интуиция специфична в познавательных практиках. Однако он все же связывал её обнаружения с обычной мыслительной активностью. Интуиция, считал русский философ, проявляется на том этапе познания, когда индивид получает информацию от своих органов чувств. Интуиция, по его определению, это умственное созерцание. Она, как он считал, составляет настоящую первичную форму цельного знания. Отвлеченному мышлению, согласно В.С. Соловьеву,

отведено место между чувственным восприятием и умственным созерцанием¹.

Но как доказать специфичность интуиции даже в этом варианте, привязанном к обычным стадиям познавательной активности? В.С. Соловьев полагает, что существование идеальной интуиции подтверждается фактом художественного творчества. «В самом деле, — писал он, — те идеальные образы, которые воплощаются художником в его произведениях, не суть, во-первых, ни простое воспроизведение наблюдаемых явлений в их частной и случайной действительности, ни, во-вторых, отвлеченные от этой действительности общие понятия. Как наблюдение, так и отвлечение или обобщение необходимы для разработки художественных идей, но не для их создания, иначе всякий наблюдательный и размышляющий чело-

¹ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 203–204.

век, всякий ученый или мыслитель мог бы стать истинным художником, чего на самом деле нет»².

Иную трактовку интуиции находим в трудах Платона. Он считал интуицию первым и самым важным видом знания. Хотя весь мир рефлексии основан на интуиции, Платон не отождествлял её с чувственным познанием. А. Шопенгауэр настаивал на том, что именно созерцание, независимое от конкретного отношения к социальной и познавательной практики, от обнаружений воли. Интуиция, следовательно, отличается от научного мышления, которое всегда сознательно. Но деятельность художника, к примеру, бессознательна, иррациональна. Она вообще не может распознать свою собственную сущность³.

Радикальный пересмотр понятия «интуиции» осуществлен К.-Г. Юнгом. Он отчетливо отделил её от мыслительной деятельности, придав ей статус особой формы приспособления к реальности. Интуиция — это духовное прозрение. Люди способны получать знание не только в результате обычной рефлексии. Определенные озарения охватывают их как будто несомые неведомым источником. Трудно понять, каким образом в голосе индивида возникает целостное, неразъёмное знание. Оно буквально «нисходит с неба». Так в истории человечества появилась гностическая традиция.

Гнозис — это высшее откровение, знание, полученное целостно, гештальтно. Мистика толкуют его как высшее проникновенное богопознание. В течение многих веков складывалось множество описаний единого мира, что особенно характерно для мистиков и создателей мифов. «Возьмем, к примеру, Дао, описываемое в Дао Дэ Цзин как «мать небес и земли». В мифах о сотворении мира полевой аспект этого Дао выступает, например, как тьма, предшествующая сотворению. Я думаю об Унус Мундус европейских алхимиков — едином мире, на который обратил внимание Юнг»⁴.

Почему же в философской и психологической литературе интуиция чаще всего связывается с обычной деятельностью познающего ума? Получается примерно следующая картина. Исследователь

мучительно размышляет о какой-то проблеме. Он собрал уже необходимый материал для размышления, прорывается к окончательной постановке проблемы. Однако последнее решение никак не задается. И вдруг во сне или в минуту расслабленного созерцания это открытие предстает во всей своей непреложной ясности. Выходит, искра озарения венчает аналитическую работу интеллекта. Бессознательное, измученное поисками решения, наконец, выносит в сознание готовый результат.

Мне уже приходилось писать о такого рода примерах: «Известно, что большинство научных открытий совершается самым непредвиденным образом. Рефлексивное мышление действительно тесно связано с творческим порывом. Научное напряжение в чем-то сродни художественному. Б. Рассел утверждал, что А. Эйнштейн при открытии теории относительности начал с поэтического проникновения в истину. Немецкий химик А. Кекуле пришел к идее бензольного кольца (циклическая форма бензола), потому что ему показалось, будто эта формула напоминает змею, которая вцепилась в собственный хвост. Что же следует из этих примеров? Без интуиции невозможно, бесполезно, безнадежно человеческое искание истины... Но какова её собственная роль в обостренном сознании реальности? Выходит, она годится только для подпорки? Не будь разума, она явилась бы слепым поводырем. Интуиция, стало быть, дополняет интеллект, но при этом не может соперничать с ним с постижения мира. Как самостоятельное средство познания интуиция не обладает важнейшими свойствами, которыми можно охарактеризовать интеллект»⁵.

Американский механик Элиас Хоу изобрел швейную машинку, увидев во сне кольца с отверстиями на острие. Советский авиаконструктор Олег Антонов увидел во сне форму хвоста будущего самолета «Антей» и зарисовал ее. Услышав во сне гитарный рифф, музыкант «Rolling Stones» записал его, проснувшись. Так родился хит «Satisfaction». Кинорежиссеру Уэс Крейвен приснился человек с лезвиями вместо пальцев. Образ воплотился во Фредди Крюгера («Кошмары на улице Вязов»). Сальвадор Дали видел свои будущие картины, Ч. Дарвин придумывал персонажей будущих книг. В сновидениях пассажиры «Титаника» видели, что корабль утонет. Михаил Ломоносов узнал о гибели отца, когда спал.

² Там же. С. 205.

³ Гуревич П.С. Эстетические взгляды А. Шопенгауэра // Философия и культура. 2013. № 1 (61). С. 119–128.

⁴ Минделл Арнольд. Процессуальный ум. Руководство по установлению связи с Умом Бога. М., 2011. С. 236.

⁵ Гуревич П. Психоанализ личности. М., 2011. С. 357–358.

Однако задумаемся над вопросом: почему именно во сне приходят такого рода озарения? По первому впечатлению, ответ прост. Как известно, цензура сознания в сновидения устранивается. Содержание бессознательного внезапно всплывает и создает иллюзию завершения аналитической работы ума. Но ведь такого рода примеры относятся не только к рефлексивной, но и к творческой деятельности людей. Итальянский композитор XVIII века Джузеппе Тартини как будто и не создал мелодию самого известного своего сочинения «Сонаты дьявола». Он мучительно долго работал над композицией. Затем пришел в состояние полного отчаяния. Но сон принес ему сделку с чёртом, который будто бы посулил отдать ему потрясающую мелодию, она при этом прозвучала на скрипке сочинения, над которым он работал. Во сне же Тартини оценил и музыкальное дарование чёрта, который сыграл эту мелодию с неземным вдохновением. Музыка оказалась красивой, а её исполнение непогрешимым, реализованным мастерски. Ничего подобного композитор не слышал в своей жизни. Проснувшись тотчас же, музыкант бежит к письменному столу, но мелодия вдруг забывается, утрачивается. Как же так? Ведь во сне она звучала отчетливо. Но композитор никак не мог вспомнить ничего, кроме повторяющейся трели. Это звучание позволило композитору снова взяться за работу и создать «Сонату дьявола» повторно.

Рассказывают исследователи, что сюжет известной пьесы А.С. Грибоедова «Горе от ума» тоже приснился драматургу ночью. Однако пригрезилась только канва произведения. Пришлось поэтому спать с заранее приготовленной бумагой, которая лежала на столе. Кое-что существенное пришлось записать именно после пробуждения.

О научных изобретениях Леонардо да Винчи писали много. Но вот интересная подробность. Он видел во сне технические новинки, о которых и не помышлял, они не являлись результатом его сознательной изобретательской деятельности. Что это за изобретения — их позже назовут аквалангом, вертолетом, велосипедом, танком, пулеметом, шарикоподшипником. Однако эти «придумки» не получили востребованности в ту эпоху. Нельзя также сказать, что эти «приспособления» и «новинки» технически тоже имели разные изъяны, которые не позволили бы их реализацию. Леонардо считал, что водолазный костюм надо прикрепить к кораблю. Но это нельзя считать техническим решением проблемы в той же мере, как желание «приспо-

бить» воздушный баллон из дерева, что бы он мог плавать на поверхности моря или реки. Тупиком оказался и музыкальный прибор, струны которого прикреплялись к ногам музыканта. Во время пешей прогулки он, как предполагалось нажимать на клавиши и вызывать звучание музыки. Но это тоже не могло реализоваться.

Интуиция способна рассказывать и о том, что должно приключиться, хотя никто не пытался специально вообразить такую ситуацию. Жена известного историка и писателя Н.М. Карамзина слегла с тяжелой болезнью. Литератор мучительно переживал эту семейную ситуацию. Но однажды ему приснилась знакомая, которую звали Екатерина Кольванова. Она стояла у могилы жены писателя и простирала свои руки к нему. Сон оказался пророческим. Через некоторое время жена скончалась, а новой спутницей жизни писателя до самой старости оказалась Е. Кольванова. Разумеется, все эти факты можно анализировать в соответствии с фрейдовским толкованием сновидений. Однако исследователи, которые изучают феномен интуиции, полагают, что эти примеры могут получить и иную трактовку. Интуиция, которая является ведущей функцией, у людей этой типажности, порой приносит информацию, не позволяющую трактовать её только в этом русле. Что же происходит в акте творческого озарения? Многие исследователи говорят о роли интуиции, эмоций. Другие отдают приоритет строгой мысли. Одни призывают к фантазии и выдумке, другие, напротив, прокламируют только устремление к истине... Кто-то настаивает на свободе самовыражения, на самоотрешённости и творческих муках. Иные, напротив, предостерегают от стихийных усилий и толкуют об интеллектуальной самодисциплине.

Итак, никому не приходит в голову принижать достоинство интуиции. Ей воздают должное, но только в определенных пределах, когда она выверена разумом. По моему мнению, интуиция вовсе не является выхлопным клапаном для познающего ума. Она служит вполне самостоятельным и самодостаточным средством мировосприятия. Интуитивное познание сродни мистическому опыту. В то же время мистика невозможна без интуитивности. Она приоткрывает некую реальность, которая предстает в своей целостности и неразъёмности. Интуиция кажется фрагментарной только по отношению к логической конструкции. На самом деле она всеохватна и всепроникающа. Вот почему в наивном, дофилософском сознании есть здоровый реализм, универсальное чувство бытия.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Психоанализ личности. М., 2011.
2. Гуревич П.С. Эстетические взгляды А. Шопенгауэра // *Философия и культура*. 2013. № 1 (61). С. 119–128.
3. Зеленский В.В. Здравствуй, душа. Работы разных лет. М., 2009.
4. Розен Пол. Фрейд и его последователи. СПб., 2005.
5. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1988.
6. Спирова Э.М. Знак и символ: психолого-философские аспекты. М., 2011.
7. Хиллман Джеймс. Архетипическая психология. СПб., 1996.
8. Эвола Юлиус. Лук и булава. СПб., 2009.
9. Юнг Карл Густав. Символическая жизнь. М., 2003.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. Psikhoanaliz lichnosti. M., 2011.
2. Gurevich P.S. Esteticheskie vzglyady A. Shopengauera // *Filosofiya i kul'tura*. 2013. № 1 (61). S. 119–128.
3. Zelenskii V.V. Zdravstvui, dusha. Raboty raznykh let. M., 2009.
4. Rozen Pol. Freid i ego posledovateli. SPb., 2005.
5. Solov'ev V.S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya // Solov'ev V.S. Soch. v 2-kh t. T. 2. M., 1988.
6. Spirova E.M. Znak i simvol: psikhologo-filosofskie aspekty. M., 2011.
7. Khillman Dzheims. Arkhetipicheskaya psikhologiya. SPb., 1996.
8. Evola Yulius. Luk i bulava. SPb., 2009.
9. Yung Karl Gustav. Simvolicheskaya zhizn'. M., 2003.